

УДК 94(470.24)''147''(045)

*С.С. Пашин, В.А. Юрина***МАРФА БОРЕЦКАЯ И ПРИСОЕДИНЕНИЕ НОВГОРОДА К МОСКВЕ**

Статья посвящена изучению роли боярыни Марфы Борецкой в событиях 1470-х гг., которые привели к присоединению Новгородской республики к Москве. Практически все русские историки XIX–XX вв. считали, что Марфа была лидером антимосковской «литовской» партии в Новгороде. Авторы статьи полагают, что подобное мнение базируется на некритической оценке источников — русских летописей. Мы выделяем три варианта нарративных источников с упоминанием Марфы Борецкой: новгородский, московский и софийский. Новгородские летописи умалчивают об участии Марфы в политической жизни Новгорода в 1470-е гг. Официальные московские летописцы (второй вариант) считали, что Марфа вместе с сыновьями и другими оппозиционерами помогала агитировать против московского князя за польского короля. Только литературный памятник «Словеса избранна...» в составе Софийской первой и связанных с ней летописей изображает Марфу лидером новгородской оппозиции великому князю Ивану III (третий вариант). Источники не позволяют выяснить реальную роль Марфы Борецкой в событиях 1470-х гг.

Ключевые слова: Марфа Борецкая, Новгород, Москва, 1470-е гг.

DOI: 10.35634/2412-9534-2021-31-1-14-21

Представления о Марфе Борецкой, или Марфе-посаднице, как лидере антимосковской «литовской» партии и яркой защитнице новгородской независимости в борьбе с Иваном III имеют давнюю историю. Одним из авторов этого мифа следует считать Н. М. Карамзина, который в 1803 г. напечатал в журнале «Вестник Европы» историческую повесть «Марфа-посадница, или Покорение Новгорода» [6]. В повести строгому, но милосердному монарху противостоит гордая, храбрая и умная женщина. Марфа являет собой воплощение всех или почти всех лучших человеческих качеств, во имя сохранения идеалов свободы и независимости Новгорода она готова принести в жертву не только себя, но и зятя и даже двух сыновей. Одним словом, Марфа — персонаж, достойный стать героиней античной трагедии.

Нет ничего удивительного в том, что в 1808 г. художник Д. И. Иванов на картине «Марфа Посадница», или «Вручение пустынною Феодосием Борецким меча Ратмира юному вождю новгородцев Мирославу, назначенному Марфой Посадницей в мужья своей дочери Ксении», изобразил и Марфу, и вымышленных героев своей картины и повести Н. М. Карамзина в античных одеждах [19, с. 30–31]. В последующие десятилетия Марфе посвятили свои произведения многие романисты и художники [12], что, без сомнения, способствовало закреплению в массовом сознании образа властной и энергичной женщины. Впрочем, мы сосредоточим внимание на трудах историков, которые внесли решающий вклад в конструирование образа Марфы Борецкой.

Начнем с Н. М. Карамзина. В 1817 г. в своей знаменитой «Истории» он заметно изменил отношение к Марфе, представив её особой тщеславной и властолюбивой, готовой пойти на измену ради сохранения власти. «Сия гордая жена хотела освободить Новгород от власти Иоанновой, и, по уверению летописцев, выйти замуж за какого-то вельможу литовского, чтобы вместе с ним господствовать именем Казимировым, над своим отечеством». После поражения новгородцев в 1471 г. Иван III «оставил в покое» Марфу и «не хотел упомянуть об ней в договоре, как бы из презрения к слабой жене» [7, с. 27, 46].

С. М. Соловьев в 1855 г. писал о том, что Марфа «имела сильную власть над детьми по обычаю и по личному характеру и посредством этой власти пользовалась могущественным влиянием на дела родного города... Говорят, что князь Михаил указал Марфе жениха в одном из панов литовских, в будущем наместнике новгородском, с которым она станет правительницею родного города» [26, с. 11, 14].

Специально занимавшийся историей средневекового Новгорода Н. И. Костомаров считал Марфу «душою свободной партии, собиравшей последние силы Великого Новгорода, чтоб охранить его от покушений Москвы. Велеречивый московский повествователь..., расточая Марфе всевозможнейшие бранные эпитеты, указывает на нее, как на главнейшую руководительницу литовской партии и признает ее личное влияние на весь Великий Новгород. Чтобы больше очернить ее, он внушает ей

намерение выйти замуж за князя Михаила Олельковича и властвовать с ним в Новгороде, под верховным покровительством короля Казимира. Это, вероятно, басня, потому что Марфа была уже не в таких летах, когда можно было думать о замужестве» [10, с. 162]. Мимоходом упоминал о большом влиянии «надменной боярыни» в новгородском обществе и В. О. Ключевский [8, с. 98].

Взгляды советских историков, в сущности, ничем не отличались от оценок их дореволюционных предшественников. Автор фундаментального труда об образовании единого Русского государства Л. В. Черепнин был уверен в наличии в Новгороде боярской партии во главе с Марфой и её детьми. «В Софийской первой и других летописях содержатся подробные указания на планы Марфы Борецкой. Она якобы хотела выйти замуж за одного литовского пана, который стал бы в качестве королевского наместника во главе всей Новгородской земли. Сообщником Марфы Борецкой был владычный ключник Пимен, мечтавший о том, чтобы сделаться новгородским архиепископом по назначению из Киева. По словам летописца, Марфа Борецкая широко раздавала деньги народу, завоевывая этим популярность» [27, с. 857–858].

Впервые подробные характеристики боярыни были даны лишь в 80-е гг. XX столетия. Их автор, новгородский историк В. Ф. Андреев, опубликовал небольшую научно-популярную книгу, которая выдержала два издания и была выпущена общим тиражом 125 тыс. экз. Как о чём-то само собой разумеющемся В. Ф. Андреев пишет о «литовской партии во главе с Марфой Борецкой» и напоминает, что «на памятнике Тысячелетию России в Новгороде скульптор изобразил Марфу оплакивающей разбитый вечевой колокол». После смерти мужа распоряжавшаяся огромными богатствами Марфа «имела немалую власть над детьми и большое влияние среди населения Новгорода». Она была «женщиной умной, энергичной, властной... Дом Марфы Борецкой стал главным штабом, а его хозяйка — душой партии» сторонников Литвы. «В московских источниках есть не очень вразумительные сведения о том, что Марфа Борецкая якобы собиралась замуж то ли за Михаила Олельковича, то ли за одного из литовских панов его свиты. Впрочем, это маловероятно, принимая во внимание возраст Борецкой» [2, с. 154–158]. По словам В. Ф. Андреева, «московские публицисты того времени», а на практике — те же самые московские источники «яростно обрушивались на Марфу Борецкую за её действия против великого князя. В своих сочинениях они сравнивают посадницу с самыми отвратительными женскими персонажами ветхозаветной и новозаветной истории: тут и “львица древняя Езавель”, и погубившая Самсона “Далила окаянная”, и “бесовская Иродиада”, из-за происков которой погиб Иоанн Предтеча, и преследовательница Иоанна Златоуста царица Евдокия» [2, с. 162].

Ю. Г. Алексеев в 1991 г. (!), как ни странно, оказался первым историком, который прямо назвал главный источник негативной информации о Марфе Борецкой — так наз. «Словеса избрана...». По мнению учёного, «они были составлены, по-видимому, при митрополичьей кафедре и носили официальный, пропагандистский характер». На наш взгляд, в научно-популярной книге следовало всё же указать, что данный памятник находится в составе Софийской первой летописи и нескольких связанных с ней источников.

Именно «Словеса избрана» обливают Марфу Борецкую потоками грязи, не скупясь на эпитеты и сравнения. Удивляться этому не приходится: в средние века (да и не только в средние) борьба с политическими противниками велась не только оружием, но и языком. Едва ли Марфа планировала брак с литовским паном, чтобы вместе с ним “владети от короля всею Новгородскою землею” (в чем её обвиняют “Словеса”). Марфа была старухой, имевшей взрослых, уже далеко не юных сыновей. Шансы на замужество были у неё невелики, а политический смысл такой комбинации был весьма сомнителен. Вряд ли этот вариант понравился бы другим новгородским боярам, членам той же “литовской” партии. Но несомненно одно — политическая роль Марфы была действительно большой. Именно она была одним из главных действующих лиц в драматических событиях, развертывавшихся в старом городе» [1, с. 114].

После Ю. Г. Алексеева, пожалуй, только Я. С. Лурье мимоходом отметил, что «Словеса», по-видимому, связаны с митрополичьей канцелярией и были единственным памятником, «где Марфа Борецкая занимает видное место». Он же предположил, что к «Словесам» восходят упоминания Марфы в таких памятниках XVI в., как Житие Зосимы и Савватия Соловецких, Никоновская летопись и Степенная книга [11, с. 129, 140].

Научно-популярные книги (других просто не было), изданные в XXI в., не привнесли ничего нового в сложившиеся стереотипы. Возьмём, к примеру, очень добротную биографию Ивана III из серии ЖЗЛ. По мнению её автора, Н. С. Борисова, вокруг «властной и энергичной» Марфы-посадницы и находившихся «под её рукой» двух взрослых сыновей «сплотилась та часть новгород-

ского боярства, которая понимала, что на сей раз речь идёт... о самом существовании... боярской республики». Единственный выход из создавшегося положения «сторонники Марфы» видели в том, чтобы обратиться к польскому королю. Про саму боярыню «рассказывали», что она собирается выйти замуж за одного литовского пана. Далее у Н. С. Борисова следовала соответствующая моменту цитата из «Словес» и ссылка на один из самых поздних списков Софийской первой летописи [4, с. 224, 228] — матримониальные планы давно овдовевшей женщины почему-то очень беспокоили как дореволюционных, так советских и постсоветских историков.

Подводя итоги беглому историографическому обзору, мы вынуждены констатировать, что наши предшественники не вполне учитывали источниковедческую составляющую известий о Марфе Борецкой. Вся информация о знаменитой боярыне можно разделить на три версии: новгородскую, московскую и, условно говоря, софийскую.

Первая версия представлена несколькими списками Новгородской четвёртой летописи, которая сохранила летописание последних лет существования Новгородской республики. Самый ранний список, Строевский (70–80-е гг. XV в.), заканчивается известием 1476 г.: «Тое осени, сентября 21, бысть пожар: от Розважи улицы погоре и до Великои улицы, и Марфи посадници двор» (цит. по: [12, с. 450]).

Упоминание двора Марфы-посадницы вполне объяснимо: после смерти мужа, посадника Исаака Борецкого, она стала главой богатейшего боярского клана. В двух дошедших до нас данных грамотах 1460-х гг. в пользу Соловецкого монастыря адресантом выступала «Марфа, Исака Ондреевича жена», или «Марфа Исаковская, Великого Новаграда посадница» (вместе с младшим сыном Фёдором) [5, с. 242–243, 300]. Однако подобные акты не могут свидетельствовать о политической активности дарительницы, а высокий экономический статус не гарантирует соответствующего положения в государственных структурах.

Синодальный и другие более поздние списки Новгородской четвёртой летописи не упоминают не только Марфу, но и имена любых новгородских бояр: в этих списках в 1471 г., после битвы на реке Шелони, Иван III велел казнить «много посадников», в 1476 г. он «поимал... 6 бояринов великих», а в 1478 г., после падения Новгорода, о боярах вообще умалчивается [12, с. 456–457].

Московская версия событий восходит к гипотетическому своду 1479 г., возможно созданному в связи с окончательным присоединением Новгорода к Москве. Данный свод лежит в основе Московского летописного свода конца XV в. и генетически связанных с ним сводов 1497 и 1518 гг., Никаноровской, Симеоновской, Никоновской, Воскресенской и некоторых других официальных московских летописей [15, с. 159, 160, 198, 199; 16, с. 126–130, 188; 17, с. 225–227, 266; 21, с. 129–131; 22, с. 122, 123, 291].

В Московском своде конца XV в. Марфа упоминается только три (фактически — два) раза. Впервые её имя появляется при описании событий, происходивших незадолго до и сразу после смерти 8 ноября 1470 г. новгородского архиепископа Ионы и избрания нового владыки Феофила. Если верить московскому книжнику, «некоторые» новгородцы, а именно «посадничьи дети Исака Борецкого с матерью своею Марфою и с прочими инеми изменники», разумеется, наученные дьяволом, стали приходить на вече и кричать там ужасные слова: «Не хотим за великого князя Московьского..., но хотим за короля Польскаго и великого князя Литовского Казимера». Из дальнейших многословных и путаных рассуждений автора свода следует, что «предиреченнии... Исаковы дети и с прочими с их поборники» думали не об измене православной вере и переходе в «латынство», а о приглашении к себе на княжение вассала польского короля Казимира, князя Михаила Олельковича — между прочим, православного обрусевшего Гедиминовича, сына дочери Василия I Московского Анастасии и, соответственно, двоюродного брата Ивана III [20, с. 284–285]. О последнем московские летописцы или не знали, или не хотели сообщать.

Автор свода, к тому же, умолчал, что и бояре, и рядовые новгородцы, в отличие от москвичей, имели полное право выражать на вечевых собраниях своё мнение, даже если оно отличается от мнения послов Ивана III. Что касается Марфы, то её упоминание можно считать неуклюжей попыткой скрыть тот факт, что среди главных оппонентов московского князя и сторонников польского короля был один из новгородских посадников Дмитрий Борецкий — старший сын Марфы. В качестве посадника Дмитрий участвовал в заключении (или подготовке) договора между «Великим Новагородом» и Казимиром [5, с. 129–132]. Скорее всего, это стало главной причиной его казни вместе с ещё тремя пленниками в июле 1471 г., вскоре после битвы на Шелони [20, с. 290].

Младший сын Марфы, Фёдор, наряду с другими крупными боярами, был обвинён новгородскими жалобщиками в различных притеснениях, схвачен в ноябре 1475 г. по приказу Ивана III во время знаменитой поездки великого князя в Новгород и вскоре сослан в Муром, где он, скорее всего,

и умер [20, с. 308]. Марфа не упоминается ни под 1471, ни под 1475–1476 гг. Судя по всему, она и её владения не пострадали в эти нелегкие для неё времена, что косвенно говорит об оценке её роли в происшедших событиях со стороны Ивана III и великокняжеской канцелярии.

На страницах московских летописей имя Марфы последний раз встречается в февральских известиях 1478 г. 2 февраля «в Новгороде князь великий велел поимати боярыню Новгородскую Марфу Исакову, да внука ее Василья Федорова сына Исакова». 5 дней спустя, 7 февраля, он же приказал «отвести к Москве поиманных Новгородцев, Марфу Исакову со внуком» и ещё 6 видных бояр, «а животы их велел отписати на себя» [20, с. 322–323].

Третий вариант описания событий с участием Марфы Борецкой находится в Софийской первой летописи младшего извода, а точнее, в уже не раз упоминавшемся выше пространным памятнике с длинным названием «Словеса избранна от святых Писаний о правде и о смиренномудрии, еже сотвори благочестия делатель, благоверный великий князь Иван Васильевич всея Руси, ему же и похвала о благочестии веры; даже и о гордости величавых мужей Новгородских, их же смири Господь Бог и покори ему под руку его. Он же благочестивый смилвался о них, Господа ради, и утиши землю их». Данное типичное для средневековой Руси центонно-парафразное произведение искусственно вставлено между летописным известием о выступлении Ивана III из Москвы 20 июня 1471 г. и известием за 15 декабря того же 1471 г. о «поставлении» новгородского архиепископа Феофила [13, с. 1–15].

При изложении событий 1470 г. софийский летописец следовал за новгородскими, а не московскими книжниками, и ничего не говорит не только о Марфе или Дмитрие Борецких, но и о бурных вечевых собраниях ноября 1470 г. Специально занимавшийся изучением Софийской первой летописи младшего извода М. А. Шibaев вполне аргументированно утверждает, что этот промосковский свод появился в Кирилло-Белозерском монастыре, а не в митрополичьем окружении. Самый ранний, Бальцерровский, список был создан, по-видимому, в первой половине 70-х гг. XV в. Открывающие дополнительную тетрадь списка «Словеса», судя по упоминанию в них как здравствующего киевского митрополита Григория, умершего в 1473 г., написаны между 1471 и 1473 гг. [28, с. 10–12, 18–20], т. е. практически «по горячим следам». От себя добавим, что белозерские монахи едва ли хорошо разбирались в современных им новгородских реалиях и вряд ли стремились показать, что происходило в Новгороде «на самом деле».

О чём же говорится в «Словесах»? Подобно библейским израильтянам, новгородцы, «яко заблудивше в мыслех своих», призвали к себе «Латыньскаго держателя» Михаила Александровича (Олельковича). Это произошло в силу того, что они запутались в сетях ловца и убийцы душ человеческих, «многоглавного зверя, лукавого врага дьявола... Той бо прелестник дьявол вниде у них в злохитру жену в Марфу Исакову Борецкого, и та окаанная сплется лукавыми речьми с Литовским князем с Михаилом, да по его слову хотячи пойти за муж за Литовского же пана за королева, а мыслячи привести его к себе в Великий Новъград да с ним хотячи владети от короля всею Новгородскою землею; да тою своею окаанною мыслью нача прельщати весь народ православия, Великий Новгород, хотячи их отвести от великого князя, а к королю приступити» [ПСРЛ, т. 6, с. 5].

За такие страшные прегрешения Марфу можно уподобить четырём известным отрицательным «героиням». Во-первых, это «лвица древняя Езавель; та бо тогда многи убиваше пророчествующих о имени Господни, и сама с стен града свержена и конми попрана сконча окаанный свой живот, пси бо снедоша ю. Также и другая подобна ей бесовная Иродья, жена Филипа царя, о беззаконьи обличена бывши Крестителем Господним, и того ради окаанная оболести своего царя и плясанием дщери своей угодив ему, отсече главу пророчю» [13, с. 5].

Сначала Марфа сравнивается с Иезавелью, женой израильского царя, преданной культу Астарты, греческой богини любви. Придя к власти, она путем влияния на мужа начала вводить в Израиле идолопоклонство. В защиту истинной веры выступил пророк Илия [3. 3 Цар 18:19]. В итоге, за свои беззакония царица была казнена описанным выше способом [3. 4 Цар 9:2]. Марфа, как и Иезавель, по мнению автора «Словес», предала истинную веру и попыталась прельстить новгородцев. К сожалению, новгородцы поддержали Марфу, но были за это справедливо наказаны. Ревностный поборник истинной веры пророк Илия предрекал последователям Иезавели всяческие несчастья, а Иван III был направлен самим Господом, чтобы наказать изменников.

Далее Марфа сравнивается с Иродиадой, знаменитой внучкой Ирода Великого. Будучи женой Филиппа I, она увлеклась связью с его сводным братом и при помощи последнего свергла супруга с престола. Царём стал её любовник Ирод Антип. В защиту поруганного закона о верности выступил

Иоанн Креститель. Иродиада решила наказать его и, соблазнив царя своей дочерью Саломеей, выпросила смерть пророку. Однако за свой поступок она была проклята и умерла в ссылке, гонимая народным гневом [3. Мф 14:1–12; Мк 6:14–29; Лк 9:7–9]. Иродиада явилась причиной смерти знаменитого пророка истинной веры, Марфа же явилась причиной утраты истинной веры целым народом. В образе Иоанна Крестителя угадывается Иван III, просвещающий народ, помогающий найти истину.

Третьей следует «Еудодоксия царица, свое зло показуя, ...Иоанна Златоуста, ...с престола согна и во Армены заточи; и того ради жива червми искипевши многое лет». А завершает список грешниц «Далила окаанная мужа своего Самсона храбраго, судящаго всему Израилю, ласкающи прельсти, и испытав от него и уведав тайну его, постриже власы главы его, ...предасть иноплеменником». Согласно «Словесам», Марфа также «всего народа хотяше прельстити, и с правого пути их совратити» [13, с. 5].

Ещё одно прегрешение Марфы сводилось к тому, что её сообщником был «от самого сотоны гордаго дьявола зле подстрекаемый чернец Пумин» (Пимен) — ключник прежнего владыки и неудачливый соперник Феофила. Пимен якобы надеялся получить архиепископскую кафедру из рук признавшего Флорентийскую унию киевского митрополита Григория. Он «множество злата издаваше лукавей той жене Марфе, а веляше ей давати в народ людем многим, дабы им помагали на их волю» [13, с. 5–6]. Обратим внимание, что Марфа, если верить «Словесам», агитировала не за короля-католика, а за митрополита-униата, нуждалась в деньгах и была на посылках у монаха.

Затем автор «Словес» продолжил демонстрировать свою эрудицию, процитировав в одном предложении Иоанна Златоуста, Ефрема Сирина и неканоническую Книгу Премудрости Иисуса, сына Сирахова: «О таковых бо женах великий Иоан Златоустый пиша глаголет: ничтоже есть на земли подобно жене зле и язычне, никий же зверь точен есть жене пронырливе, и горде, и величаве; к сему же, рече, послушествует ми премудрый Соломон, глаголя: несть злобы противу злобе женстей; луче бо есть жити со лвом или со змием, нежели с злою женою» [13, с. 6].

Понятно, что не каждому смертному дано преодолеть чары коварной женщины-искусительницы. «Окаанная жена» Марфа не только погубила свою душу, но и совратила множество новгородцев. Увещевания новоизбранного архиепископа Феофила и письмо митрополита Филиппа на них не подействовали: они по-прежнему стремились отступить «к Латынству» — Ивану III ничего не оставалось, как пойти походом на Новгород ради защиты православия [13, с. 6–9].

В отличие от московской версии, в «Словесах» вполне ожидаемо уточняется, что казнённый посадник Дмитрий был «оноя прелестныя жены Марфы старей сын». Ещё одно отличие Софийской первой летописи сводится к тому, что под 1478 г. указывается дата не ареста Марфы и её внука, а их отправки в Москву [13, с. 12, 19].

Указанные характеристики Марфы (и «Словеса» в целом) с минимумом изменений повторяются в источниках XVI в.: Софийской второй летописи [14, стб. 185–188], Софийской первой летописи по списку И. Н. Царского [23, с. 151–152], а также в Новгородской летописи по списку П. П. Дубровского [24, с. 191–192], поздней Львовской летописи [18, с. 286–287] и Степенной книге [19, с. 533–535].

В последнем памятнике середины XVI в. довольно удачно соединены московская и софийская версии событий, связанных с завоеванием Новгорода, включая все эпизоды, в которых была задействована Марфа Борецкая. Следует иметь в виду, что благодаря усилиям незабвенного Г. Ф. Миллера русский читатель получил возможность ознакомиться со Степенной книгой ещё в 1775 г. [9]. А в 1820–1821 гг. известный русский археограф П. М. Строев под названием «Софийский временник» издал Софийскую вторую летопись [27]. Иначе говоря, до середины XIX в. историки могли следовать, главным образом, софийской версии событий.

Подведём итоги. Информация о Марфе Борецкой исходит из трёх мест. Новгородцы ничего не знали (или умалчивали) о политической деятельности своей землячки. Выходцы из великокняжеской канцелярии считали, что Марфа, будучи главой богатого и влиятельного клана (а также матерью посадника), могла подкупать и как-то иначе воздействовать на участников вечевых собраний. Ивану III, по сути дела, не в чем было обвинить её. Только в 1478 г. (не раньше!) она лишилась имущества и была выслана из Новгорода скорее не за совершённые политические проступки, а за своё богатство. Наконец, безымянный белозерский монах (и никто другой) откуда-то узнал, что успевшая стать бабушкой Марфа мечтала выйти замуж за иностранца и поддерживала оппозицию не только против Ивана III, но и против нового местного архиепископа.

Для нас очевидно, что все рассуждения о властолюбивой боярыне — это всего лишь устоявшийся и принявший форму аксиомы историографический миф. Имеющиеся в нашем распоряжении источники не позволяют выяснить, какую роль сыграла Марфа Борецкая в событиях, предшествовавших присоединению Новгорода к Москве, «на самом деле».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев Ю. Г.* «К Москве хотим»: Закат боярской республики в Новгороде. Л.: Лениздат, 1991. 160 с.
2. *Андреев В. Ф.* Северный страж Руси: Очерки истории средневекового Новгорода. 2-е изд., доп. и перераб. Л.: Лениздат, 1989. 175 с.
3. Библия. М.: Российское библейское общество, 2006. 1234 с.
4. *Борисов Н. С.* Иван III. 3-е изд. М.: Молодая гвардия, 2006. 644 с.
5. Грамоты Великого Новгорода и Пскова / под ред. С. Н. Валка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 408 с.
6. *Карамзин Н. М.* Марфа Посадница, или Покорение Новагорода. Историческая повесть // Вестник Европы. 1803. Ч. 7. С. 3–30, 103–133, 193–226.
7. *Карамзин Н. М.* История государства Российского. СПб.: В Медицинской типографии, 1817. Т. 6. 487 с.
8. *Ключевский В. О.* Сочинения: в 9 т. М.: Мысль, 1988. Т. 2. 447 с.
9. Книга Степенная царского родословия, содержащая Историю Российскую с начала оныя до времен Государя царя и великого князя Иоанна Васильевича, сочиненная трудами преосвященных митрополитов Киприана и Макария, а напечатана под смотрением коллежского советника и Императорской Академии наук, тако ж и разных иностранных Академий и Вольного экономического и Российского вольного же собраний члена Герарда Фридерика Миллера. М.: В Императорском Университете, 1775. Ч. I–II. VIII + 580, 298 с.
10. *Костомаров Н. И.* Исторические монографии и исследования. СПб.: В типографии К. Вульфа, 1868. Т. 7. X, 419 с.
11. *Лурье Я. С.* Две истории Руси XV века: Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб.: Дмитрий Буланин, 1994. 238 с.
12. *Погодин М. П.* Марфа, Посадница Новгородская. М.: Наука, 2015. 367 с.
13. ПСРЛ. Л.: Изд-во АН СССР, 1925. Т. 4, ч. 1. Новгородская четвертая летопись. Вып. 2. С. 321–536.
14. ПСРЛ. СПб.: Типография Э. Праца, 1853. Т. 6. Софийские летописи. 360 с.
15. ПСРЛ. М.: Языки русской культуры, 2001. Т. 6. Вып. 2. Софийская вторая летопись. VIII + 240 с.
16. ПСРЛ. СПб.: Типография Э. Праца, 1859. Т. 8. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. VIII + 302 с.
17. ПСРЛ. М.: Наука, 1965. Т. 11–12. Патриаршая или Никоновская летопись. XI + 256 + 266 с.
18. ПСРЛ. М.: Знак, 2007. Т. 18. Симеоновская летопись. 328 с.
19. ПСРЛ. СПб.: Типография М. А. Александрова, 1910. Т. 20. Львовская летопись. Первая половина. Ч. 1. III–IV, 418 с.
20. ПСРЛ. СПб.: Типография М. А. Александрова, 1913. Т. 21. Вторая половина. Книга Степенная царского родословия. Ч. 2. III с., С. 343–708.
21. ПСРЛ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 25. Московский летописный свод конца XV века. 464 с.
22. ПСРЛ. М.: Языки славянских культур, 2007. Т. 27. Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV века. 436 с.
23. ПСРЛ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. Т. 28. Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись). 412 с.
24. ПСРЛ. М.: Наука, 1994. Т. 39. Софийская первая летопись по списку И. Н. Царского. 208 с.
25. ПСРЛ. М.: Языки славянской культуры, 2004. Т. 43. Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского. 368 с.
26. *Соловьёв С. М.* Сочинения: в 18 кн. Кн. 3. Т. 5–6. История России с древнейших времен. М.: Мысль, 1989. 783 с.
27. Софийский временник, или Русская летопись с 862 по 1534 год / изд. П. Строев. М.: В тип. С. Селивановского, 1820–1821. Ч. 1–2. XXVII + 458, VII + 497 с.
28. *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1960. 900 с.
29. *Шибанов М. А.* Софийская 1 летопись Младшей редакции: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.: [б. и.], 2000. 21 с.
30. *Шумова М. Н.* Русская живопись первой половины XIX века. М.: Искусство, 1978. 167 с.

СОКРАЩЕНИЯ

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.

Пашин Сергей Станиславович, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории
E-mail: pashin-s@yandex.ru

Юршина Виктория Александровна, аспирант кафедры отечественной истории
E-mail: 18tara@mail.ru

ФГБОУ ВО «Тюменский государственный университет»
625003, Россия, г. Тюмень, ул. Ленина 23

S.S. Pashin, V.A. Yurshina

MARFA BORETSKAYA AND THE JOINING OF NOVGOROD TO MOSCOW

DOI: 10.35634/2412-9534-2021-31-1-14-21

The article is devoted to the study of the role of the boyarwoman Marfa Boretskaya in the events of the 1470s, which led to the joining of the Novgorod Republic to Moscow. Almost all Russian historians of the 19–20th centuries believed that Marfa was the leader of the anti-Moscow “Lithuanian” party in Novgorod. The authors of the article think that such opinion is based on a non-critical assessment of sources — the Russian chronicles. We highlight three variants of narrative sources with the mention of Marfa Boretskaya: Novgorod, Moscow and Sofian. The Novgorod chronicles keep silent about Marfa's participation in the political life of Novgorod in the 1470s. The official Moscow chroniclers (the second version) believed that Marfa, along with her sons and other oppositionists, helped to agitate against the Moscow prince for the Polish king. Only the literary monument “Slovesa izbranna... (The Selected Words)” in the composition of the Sofia's first and related chronicles depicts Marfa as the leader of the Novgorod opposition to the great prince Ivan III (the third option). Sources do not reveal the real role of Marfa Boretskaya in the events of the 1470s.

Keywords: Marfa Boretskaya, Novgorod, Moscow, 1470s.

REFERENCES

1. *Alekseev Iu. G.* “K Moskve khotim”: Zakat boyarskoi respubliki v Novgorode [“We want to see Moscow”: The sunset of the Boyar Republic in Novgorod]. Leningrad, “Lenizdat” Publ., 1991, 160 p. (In Russian).
2. *Andreev V. F.* Severnyi strazh Rusi: Ocherki istorii srednevekovogo Novgoroda [The Northern Guardian of Russia: Essays of the history of medieval Novgorod]. Leningrad, “Lenizdat” Publ., 1989, 175 p. (In Russian).
3. Bibliya [The Bible]. Moscow, “Rossiiskoe bibleiskoe obshchestvo” Publ., 2006, 1234 p. (In Russian).
4. *Borisov N. S.* Ivan III. 3 ed. Moscow, “Molodaya gvardiya” Publ., 2006, 644 p. (In Russian).
5. Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova [The diplomas of Great Novgorod and Pskov] / ed. S. N. Valk. Moscow, Leningrad, Ed. of the USSR Academy of Sciences, 1949, 408 p. (In Russian).
6. *Karamzin N. M.* Marfa Posadnitsa, ili Porrorenie Novgoroda. Istoricheskaya povest' [Marfa Posadnitsa, or the Conquest of Novgorod. The Historical story]. Vestnik Evropy [Bulletin of Europe], part 7, 1803, pp. 3–30, 103–133, 193–226. (In Russian).
7. *Karamzin N. M.* Istoriya gosudarstva Rossiiskogo [The history of the Russian state]. Saint Petersburg, “V Meditsinskoi tipografii” Publ., 1817, vol. 6, 487 p. (In Russian).
8. *Klyuchevskii V. O.* Sochineniya [The essays]: vols 1–9. Moscow, “Mysl” Publ., 1988, vol. 2, 447 p. (In Russian).
9. Kniga Stepennaya tsarskogo rodosloviya, sodержashchaya Istoriyu Rossiiskuyu s nachala onyya do vremen Gosudarya tsarya i velikogo knyazya Ioanna Vasil'evicha, sochinennaya trudami preosvyashchennykh mitropolitov Kipriana i Makariya, a napechatana pod smotreniem kollezhskogo sovetnika i Imperatorskoi Akademii nauk, tako zh i raznykh inostrannykh Akademii i Vol'nogo ekonomicheskogo i Rossiiskogo vol'nogo zhe sobranii chlena Gerarda Friderika Millera [The Book of The Degree of the Tsar Pedigree...]. Moscow, “V Imperatorskom Universitete” Publ., 1775, parts I–II, VIII + 580, 298 p. (In Russian).
10. *Kostomarov N. I.* Istoricheskie monografii i issledovaniya [Historical monographs and research]. Saint Petersburg, “V tipografii K. Vul'fa” Publ., 1868, vol. 7, X + 419 p. (In Russian).
11. *Lur'e Ia. S.* Dve istorii Rusi XV veka: Rannie i pozdnie, nezavisimye i ofitsial'nye letopisi ob obrazovanii Moskovskogo gosudarstva [Two stories of 15th-century Russia: Early and late, independent and official chronicles of the formation of the Moscow State]. Saint Petersburg, “Dmitrii Bulanin” Publ., 1994, 238 p. (In Russian).
12. *Pogodin M. P.* Marfa, Posadnitsa Novgorodskaya [Marfa, Novgorod Posadnitsa]. Moscow, “Nauka” Publ., 2015, 367 p. (In Russian).
13. PSRL. Leningrad, Ed. of the USSR Academy of Sciences, 1925, vol. 4, part 1, Novgorodskaya chetvertaya letopis', is. 2, pp. 321–536. (In Russian).
14. PSRL. Saint Petersburg, “Tipografiya E. Pratsa” Publ., 1853, vol. 6, Sofiiskie letopisi, 360 p. (In Russian).

15. PSRL. Moscow, “Yazyki russkoi kul’tury” Publ., 2001, vol. 6, is. 2, Sofiiskaya vtoraya letopis’, VIII + 240 p. (In Russian).
16. PSRL. Saint Petersburg, “Tipografiya E. Pratsa” Publ., 1859, vol. 8, Prodolzhenie letopisi po Voskresenskomu spisku, VIII + 302 p. (In Russian).
17. PSRL. Moscow, “Nauka” Publ., 1965, vol. 11–12, Patriarshaya ili Nikonovskaya letopis’, XI + 256 + 266 p. (In Russian).
18. PSRL. Moscow, “Znak” Publ., 2007, vol. 18, Simeonovskaya letopis’, 328 p. (In Russian).
19. PSRL. Saint Petersburg, “Tipografiya M. A. Aleksandrova” Publ., 1910, vol. 20, L’vovskaya letopis’, Pervaya polovina, part 1, III–IV, 418 p. (In Russian).
20. PSRL. Saint Petersburg, “Tipografiya M. A. Aleksandrova” Publ., 1913, vol. 21, Vtoraya polovina, Kniga Stepennaya tsarskogo rodosloviya, part 2, III p. + pp. 343–708. (In Russian).
21. PSRL. Moscow, Leningrad, Ed. of the USSR Academy of Sciences, 1949, vol. 25, Moskovskii letopisnyi svod kontsa XV veka, 464 p. (In Russian).
22. PSRL. Moscow, “Yazyki slavyanskikh kul’tur” Publ., 2007, vol. 27, Nikanorovskaya letopis’, Sokrashchennye letopisnye svody kontsa XV veka, 436 p. (In Russian).
23. PSRL. Moscow, Leningrad, Ed. of the USSR Academy of Sciences, 1963, vol. 28, Letopisnyi svod 1497 g., Letopisnyi svod 1518 g. (Uvarovskaya letopis’), 412 p. (In Russian).
24. PSRL. Moscow, “Nauka” Publ., 1994, vol. 39, Sofiiskaya pervaya letopis’ po spisku I. N. Tsarskogo, 208 p. (In Russian).
25. PSRL. Moscow, “Yazyki slavyanskoi kul’tury” Publ., 2004, vol. 43, Novgorodskaya letopis’ po spisku P. P. Dubrovskogo, 368 p. (In Russian).
26. *Solov’ev S. M.* Sochineniya [The essays]: vols 18. Moscow, “Mysl” Publ., 1989, book 3, vol. 5–6, Istoriya Rossii drevneishikh vremen, 783 p. (In Russian).
27. Sofiiskii vremennik, ili Russkaya letopis’ s 862 po 1534 god [Sofia’s Timeman, or Russian Chronicle from 862 to 1534] / ed. P. Stroeve. Moscow, “V tipografii S. Selivanovskogo” Publ., 1820–1821, parts 1–2, XXVII + 458, VII + 497 p. (In Russian).
28. *Cherepnin L. V.* Obrazovanie Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva v XIV–XV vekakh. Ocherki sotsial’no-ekonomicheskoi i politicheskoi istorii Rusi [The formation of the Russian centralized state in the 14–15th centuries. Essays of the socio-economic and political history of Rus’]. Moscow, “Izdatel’stvo sotsial’no-ekonomicheskoi literatury” Publ., 1960, 900 p. (In Russian).
29. *Shibaev M. A.* Sofiiskaya 1 letopis’ Mladshei redaktsii [The Sofia’s 1 Chronicle of the Younger Edition]: avtoref. dis. ... kandidata istoricheskikh nauk [dissertation abstract for the degree of candidate of historical sciences]. Saint Petersburg, [n. a.], 2000, 21 p. (In Russian).
30. *Shumova M. N.* Russkaya zhivopis’ pervoi poloviny XIX veka [The Russian painting of the first half of the 19th century]. Moscow, “Iskusstvo” Publ., 1978, 167 p. (In Russian).

ABBREVIATIONS

PSRL — Polnoe sobranie russkikh letopisej [Complete Edition of Russian Chronicles].

Received 04.06.2020

Pashin S.S., Doctor of History, Professor of the Department of Russian History

E-mail: pashin-s@yandex.ru

Yurshina V.A., postgraduate student of the Department of Russian History

E-mail: 18tara@mail.ru

Tyumen State University

Lenina st., 23, Tyumen, Russia, 625003